

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

СИВАН-ТАМУЗ 5768

ПЕТРОЗАВОДСК
N 120

ИЮЛЬ 2008

ВИЗИТ МОЛОДЕЖИ

Юлия Дамсон
(Damson Julia)

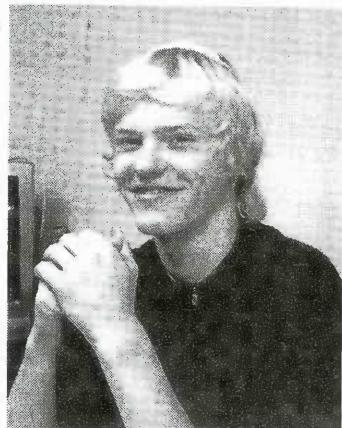
Успешно прошел визит в нашу общину группы молодежи из Тюбингена во главе с Михаэлем Фолькманом. Молодые люди провели шесть дней в экскурсиях, встречах, посещениях музеев, общении со сверстниками. Они посетили Кижи, Марциальные воды, Кондопогу, водопад Кивач - тот "джентльменский набор", который может предложить наш небогатый, но гостеприимный край. Большое эмоциональное впечатление вызывало посещение Музея жертв фашизма им. М.Кольбе и Информационного центра по Холокосту, антисемитизму и ксенофобии "ИЦХАК". У молодых людей возникло множество вопросов, особенно тогда, когда они увидели фотографии демонстраций с антисемитскими лозунгами, проходивших в Москве и фото антисемитских надписей на улицах нашего города.

Во время визита была устроена встреча с Александрой Ершовой, специалистом Министерства РК по делам национальной политики и связям с религиозными объединениями, которая рассказала о работе министерства, молодежной секции и ответила на многочисленные вопросы.

Михаэль Фолькман и Дмитрий Цвибелль представили общественности Петрозаводска книгу "Евреи Петрозаводска, христиане Тюбингена: история одной удивительной любви", вышедшую год назад в Тюбингене. Книгу передали в иностранный отдел Национальной библиотеки Республики Карелия. На презентации была высказана надежда, что книга будет переведена и издана также и в Петрозаводске.

Прощальный вечер, проходивший в Доме актера, оставил радостное впечатление благодаря участию в нем ансамбля "Авив" во главе с Натальей Гуль. В конце выступления ансамбля Наталья предложила присутствующим разучить несколько танцевальных движений, и все вместе станцевали прощальный танец! А Мария Гончарук преподнесла гостям прекрасный подарок - именные футбольки в память о визите в наш город.

Этот визит еще раз продемонстрировал, что отношения между нашими общинами давно уже переросли в настоящее тесное сотрудничество, пустили глубокие корни, питают живительными соками то "дерево дружбы", которое мы посадили двенадцать лет назад.

Лео Фолькман
(Volkmann Leo)

Михаэль Фолькман
(Volkmann Michael)

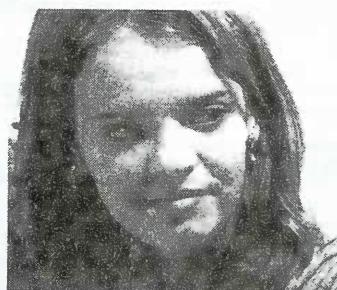
Мориц Штаге
(Stage Moritz)

Маттиас Лотцкий
(Lhotzky Matthias)

Зильке Такас
(Takacs Silke)

Мари Фолькман
(Volkmann Marie)

Карина Каммлер
(Kammler Carina)

Еврейская община выражает искреннюю признательность и благодарность

Марии Гончарук

за бескорыстную помощь и организацию приема делегации молодежи Тюбингена

В этом номере газеты мы начинаем публикацию записанных радиолекций известного израильского литературоведа Зои Копельман, которая любезно предоставила нам такое право. Они публикуются в том варианте, в каком вышли в эфир, чтобы читатель ощущал атмосферу непосредственного общения со слушателями, почувствовал обаяние живого слова. Как говорит сама Зоя Копельман: "Я так люблю свое литературоведение, что невольно хочу приобщить к нему всех милых и интеллигентных людей".

Цикл радиолекций "Российские евреи - ивритские писатели"

Д-р Зоя Копельман (Иерусалим)

БЕСЕДА 1. Введение.

Иехуда Лейб Гордон - поэт еврейской Гаскалы

Мне представлена счастливая возможность поделиться с широкой аудиторией своими знаниями и любовью к ивритской литературе - особенно к тем ее авторам, жизнь которых начиналась в Российской Империи либо в Советском Союзе. Я хочу предложить радиослушателям рассказать об ивритских писателях и поэтах - российских евреях, в культурном багаже которых было немало общего с нашим культурным багажом, но которые, помимо этого, владели сокровищницей еврейских традиционных текстов, тогда как большинство из нас имеет о них самое поверхностное представление. Здесь уместно сослаться на вывод, к которому пришел в конце жизни Иосиф Клаузнер, один из первых современных историков литературы на иврите, который в 1947 году писал:

Неверно, что он [речь шла об ивритском поэте Черниховском] воспитывался в доме, где соблюдение заповедей было законом; неверно, будто это был "современный" дом, где еврейство сводилось лишь к изучению языка иврит и сионизма. В подобном доме не может сформироваться большой еврейский поэт. Вообще, без глубокой укорененности в религии, без религиозно-национальных впечатлений детства не выросло еще ни одного великого поэта - ни в одном народе, ни на одном языке.

Мои рассказы едва ли будут выдержаны в строго хронологическом порядке, тем не менее, я буду порой ссылаться на писателей-предшественников или называть последователей представляемого мнения автора. И хотя передачи данного цикла будут чередоваться с передачами других циклов, я надеюсь, что в итоге у моих слушателей создастся связное впечатление о тех более чем достойных людях, без труда и таланта которых мы не имели бы сегодня столь пластичного, почти всемогущего иврита, да и литература современного Израиля была бы, безусловно, иной.

Я льщу себя надеждой, что часть моих слушателей захочет прочесть произведения представляемых мною авторов - хотя бы в переводах на русский язык, и потому буду сообщать о существовании таких переводов. Их, как ялагаю, можно отыскать в магазинах русской книги и в русскоязычных разделах местных библиотек. Кроме того, часть переводов имеется в интернете.

Первым в этом цикле назову ярчайшего и талантливейшего поэта эпохи еврейского Просвещения Иегуды Лейба Гордона, которого российские маскины называли Львом Осиповичем Гордоном. Слово маскин адекватно перевести на русский язык затруднительно; его буквальное значение: "просвещенный", однако просвещенный, т.е. весьма образованный, еврей не обязательно был маскином. Ивритское слово маскин - производное от термина Гаскала, которым на иврите обозначают именно эпоху еврейского светского Просвещения, а маскином принято называть носителя и создателя культуры Гаскалы.

Итак, поэт, прозаик, просветитель Иегуда Лейб Гордон родился в Вильне в 1830 году. Образование он получил, как большинство еврейских мальчиков того времени, сугубо религиозное. Но ему повезло: его учителями - их называли меламеды - были талантливые ученики и последователи рабби Элиягу из Вильны, прозванного Виленским Гаоном. Среди них, в частности, - рабби Хаим Соловейчик, который много лет спустя создал прославленную Воложинскую иешиву. О своем ученичестве в "хедере" Гордон без ложной скромности воспоминал:

"В одиннадцать лет я неплохо разбиралась в Танахе и знал почти наизусть несколько сотен листов Талмуда; в этих знаниях я превзошел тогда своих товарищей, которые теперь достойно воспитывают еврейскую юношество".

К Гаскале приобщил Иегуду Лейба муж его старшей сестры, их дальний родственник Михаил Гордон, который, как было принято в те годы, переходил в дом тестя. Михаил, а вслед за ним и Иегуда Лейб, был активным участником кружка маскини в Вильне. Там собирались евреи, которые не хотели довольствоваться лишь иудаизмом, а жаждали научных и литературных знаний, причем не только еврейских. Они расширяли свой кругозор не специально с этой целью выученными ими нееврейскими языках, в первую очередь, немецким, но также русским. В этом кружке виленские еврейские просветители был и выдающийся ивритский поэт-классицист Адам ха-коэн Лебенсон и его сын, рано умерший поэт Михаил Иосиф, с которыми Гордон крепко подружился.

С тех пор Иегуда Лейб Гордон интенсивно занимался самообразованием, с 17 лет приялся осваивать немецкий, русский и английский, во множестве читал еврейские и нееврейские книги и публицистику. Когда в 1852 году умер от чахотки Михаил Иосиф Лебенсон, Гордон не просто пришел утешить разбитого горем отца, но и стал, по просьбе последнего, разбирать черновики и письма умершего поэта, обсуждать их с Адамом ха-коэном и таким образом

учиться у него правилам еврейского стихосложения той эпохи. Необходимо сказать, что законы ивритского версинского авторства были весьма строги: стиховая строка должна была насчитывать 13 слов (иногда поэты выбирали 11-сложник), а рифмы подчинялись особым правилам чередования в зависимости от длины строфы. Эта архаичная система стихосложения ревностно сохранилась ивритскими поэтами-классицистами и их последователями вплоть до последних десятилетий XIX века, когда ее сменила привычная русскому уху поэзия с устойчивыми чередованиями ударных и безударных слогов, так называемая силлабо-тоника.

Но вернемся к Гордону. В том же 1852 году он с успехом выдержал выпускные экзамены в раввинском училище Вильны и получил диплом еврейского учителя. С 1853 года началась педагогическая деятельность Иегуды Лейба Гордона в небольших городах Литвы - Паневежисе, Шауляе и других. Его первая книга - большая поэма "Любовь Давида и Михаила" (Вильна, 1856) - поразила современников красочностью трактовки знакомого, казалось бы, сюжета. Гордон взял за основу несколько библейских стихов о юном Давиде и дочери царя Шауля Михаил, добавил к ним более обширный материал еврейской Устной традиции из мидрашей и силу собственной фантазии и поэтического красноречия создал дивное романтическое повествование в стихах. Юный поэт посыпал эту поэму своему старшему другу и наставнику Адаму ха-коэну Лебенсону и в посвящении написал: "Я вечный раб иврита, ему в пожизненное владение я свои чувства продаю!"

Если бы творческий пыл Гордона был обращен только к национальному прошлому, его жизнь возможно сложилась бы более благополучно. Однако просветительский пыл горел в нем, он стремился расширять духовные горизонты евреев приобщением их к светской культуре, побудить их смотреть на национальное наследие как на литературные памятники и оценивать его с позиций разума. Религиозная вера и ее галахическое обличие казались ему уделом прошлого, и если он не отвергал настичи ценности иудаизма, ему они виделись прежде всего как культурное своеобразие нации, дань определенному этапу в развитии народа, когда религиозное сознание было необходимо.

Борьба за преобразование еврейского общества побудила Гордона написать несколько крайне несимпатичных, карикатурного характера рассказов, где он выставлял на посмешище раввинов, синагогальных старост и особенно ха-сидов, поскольку рационализм просветителей не понимал и не принимал мистицизма хасидского вероучения. Эти рассказы под общим названием "Мир, каков он есть" (1872-74), не получили, однако, одобрения даже со стороны некоторых его товарищей-маскини - слишком гротескно и безобразно были выведены в них набожные евреи.

Борясь с религиозными предрассудками и невежеством еврейских масс, Иегуда Лейб Гордон ратовал за ассимиляцию евреев в странах расселения. Его водушевили гуманные начинания и реформы императора Александра II, смывшие дискриминационные Уложения о евреях, и Гордон призывал соглашников отказаться от культурного и социального изолионизма. Особенную известность приобрело опубликованное им в 1862 году стихотворение "Продулись, мой народ!", где поэт пытал евреев за нечувствительность к историческим переменам, за невнимание к судьбе России. В числе прочего были в стихотворении и такие явно утопические в условиях царской России рекомендации:

Пусть тот, кто умен, обратится к наукам,
В ремеслах найдет свою радость умелец,
Храбрец служит в войске, в поле за плугом
Себя обретет хлебороб-земледелец...

Как хорошо известно, евреям в России не дозволялось ни владеть землей, ни ее обрабатывать. В том же стихотворении Гордон сформулировал идеологический тезис маскини: "Будь евреем в своем шатре и человеком - на улице", неоднократно потом повторявшийся в еврейской печати.

Всюду, где ни преподавал Гордон, он пользовался заслуженным восхищением учащихся и благосклонностью начальства. Назначение Гордона в казенное раввинское училище в Житомире означало признания его заслуг. Тут необходимо пояснить, что при Александре II в России начали вводить в ряде иешив обязательное изучение русского языка и российской истории. Такие иешивы называли "казенными", а их выпускники получали звание "казенных раввинов". И действительно, государственная казна отчасти субсидировала эти учебные заведения, а чиновники министерства Просвещения контролировали их работу. Именно в таких иешивах преподавал Гордон, и из среды казенных раввинов вышло немало видных еврейских просветителей и литераторов.

В 1872 году Иегуда Лейб Гордон перевели в Петер-

бург и назначили на должность секретаря "Общества по распространению просвещения между евреями". В северной столице Россия он и прожил до конца своих дней. Исключение составили месяц тюремы и около года ссылки по обвинению в "деятельности, подрывающей устои власти". То было ложное обвинение - мясо со стороны еврейской религиозной ортодоксии, против которой последовательно выступал Гордон на страницах еврейских периодических изданий. По ходатайству барона Гинцбурга и других богатых и знатных евреев обвинение было снято, а Гордон возвращен в Петербург.

Иегуда Лейб Гордон умер в 1892 году, он успел написать и опубликовать немало поэтических сочинений, неизменно встречавших восторженный прием у читательской публики. Тут и поэма о жизни библейского Иосифа в Египте и его любви к дочери Потифара Оснат, и басни, появление которых предшествовали выполненные им переводы на иврит избранных басен Крылова, и лирические стихи, и поэма о бесприданной еврейской женщенице под названием "Из-за йоты" (1876), снискавшая Гордону титул "еврейского Некрасова".

В самом деле, поэма открывалась пространным патетическим введением, очень похожим на памятные некрасовские строки: "Доля ты, русская долюшка женская, Вряд ли труднее сыскать", только речь в ней шла о еврейке, и звучало это приблизительно так:

...Еврейка, кто знает о том, как живешь ты?
Во мраке приходишь, во мраке уйдешь ты,
Печальна или рада, грустна ли, мечтала ли -
О том на всем свете лишь ты одна знаешь.
Все прелести жизни, добро и свобода
Дал Б-г дочерям другого народа.
А жребий еврейки - тяжкая доля:
Весь день за привлаком - т же неволя,
Рожай, да корми, не спускай с детей ока,
Вари, и пеки - вот и старость до срока...

К сожалению, поэтического перевода названных выше произведений Гордона на русский язык нет. Зато посчастливилось поэме "В пучинах моря", перевор которой можно прочесть в книге "Антология ивритской литературы 19-20 веков в русских переводах", вышедшей в 1999 году. Это поэма о трагической судьбе евреев, изгнанных из Испании в 1592 году. Есть в ней такие беспощадные строки:

И снова изгнанье... Ряд мрачных веков
Скитания, презренья и злобы врагов
Настал для несчастных. Европы столицы
Им дали одни лишь гробы и темницы,
Их в Африке ждали неволя и цель,
Поила их кровь азиатскую степь;
Наполнилась трупами бездна морская,
И кровь потоки по суше текли...
Но скрылся Вс-вышний с небес, не взирая
На слезы и муки земли.

Рационалист Гордон, который, казалось бы, должен был искать причины народных бедствий в исторических закономерностях, тем не менее, возлагал ответственность, в первую очередь, на Б-га. А далее рассказывается об испанском судне, капитан которого согласился отвести еврейских беженцев до свободного порта, но, получив плату, решил продать их при случае в рабство. Волю поэта о коварном замысле прослышила находившаяся среди беженцев doch раввина, красавица, пленившая сердце капитана. Она обещала ему свою любовь, но поставила условием прежде высадить евреев на ближайшем острове. Однако когда пришел час выполнять обещанное, и Пенина, и ее овдовевшая мать предпочли умереть в пучине моря.

Иегуда Лейб Гордон был сыном своего времени, что наложило глубокий отпечаток на его общественную и литературную деятельность. Так, им написана специально для российских евреев "История России", а также создана - с учетом перехода российских евреев на русский язык - книга выдержек из талмудических источников "Мудрость талмудистов". Недавно, кстати, переиздана. Однако Иегуда Лейб Гордон прежде всего был талантливым ивритским поэтом. Его поэзия не утратила очарования и сегодня, по прошествии полутора столетий. И если его идеологическая позиция оказалась во многом несостоятельной, то эстетические достоинства его творчества гордо выстояли в череде перемен.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ: РИГА, 1925 (неоконченная повесть)

Настало время перевернуть одну из страниц трудной маминой жизни - это ее дети от первого брака. Из них только Таня жила с нами, ее сын Илья жил самостоятельно, но бывал в нашем доме часто и не как гость, а как полноправный член семьи. Они не были для меня настоящими сестрой и братом. Свои, но очень взрослые люди: каждому из них было уже далеко за двадцать.

Своего сюдня брата Илья я помню плохо, но достаточно, чтобы по одним лишь детским впечатлениям, сегодня охарактеризовать его словом "повеса". Согласно С. Охегова: "Повеса (раз, неодобр.). Молодой человек, проводящий время в легкомысленных затеях..." Он был красивый мужчина, среднего роста, плотного телосложения, не высокого образовательного ценза, любящим женщин и кабаки. Невольно, как сквозь туманную пелену, всплывают картины из далекого детства...

Вечер. Дождливая осень. Родители уехали на десят в Чехию, в Карлсбад (Карловы Вары), подлечиться. Мы с Эльзой в доме совсем одни, у Веры выходной, а сестра куда-то упорхнула, она была уже самостоятельной девицей. Я лег спать, но едва успел заснуть, как раздался длинный требовательный звонок в дверь и следом в квартиру с шумом ввалилась большая компания подвыпивших мужчин и молодых женщин. Я услышала звонкий смех, властный голос брата. Затем выстри пробок и звон бокалов. Эльза, как тигрица металась по комнате. Где мне моим детским умничкам было понять всю глубину трагедии, которая происходила в ее душе. В какой-то момент она попыталась прорваться в столовую, но там развлекался брат со своей компанией, и дверь была крепко-накрепко закрыта. Компания между тем разошлась не на шутку. Зазвучал аккордеон, послышался звон разбитой посуды, табачный дым ощущался даже в детской. Эльза снова предприняла попытку проникнуть в столовую, но этот раз дверь распахнулась, но почти тотчас раздался звук пощечины, и Эльза буквально влетела в детскую и упала на пол. В столовой все умолкли. Через некоторое время хлопнула входная дверь, затем в квартире наступила тишина. Эльза сидела на кровати, вся в слезах. Я выбралась из кровати и, как был, в длинной ночной рубашке, прижалась к ней, гладил ее по лицу, целовал, лишь бы унять слезы, которые текли и текли по ее щекам...

Летний воскресный день, мы отдаляем на даче, по-семейному спокойно. Но вдруг врывается Илья на своем спортивном автомобиле немецкой фирмы "Ханомаг" (машину ему совсем недавно купила мама в ответ, как мне сегодня думается, на обещание сына взяться за ум и начать другую жизнь).

Мне 13 лет

Илья приехал не один, следом за ним прикатил небольшой автобус с игроками рижского футбольного клуба "Маккаби", завоевавшего в минувшем сезоне призовое место в первенстве Латвии. У членов команды оказалось несколько свободных дней, и они решили отдохнуть, воспользовавшись приглашением брата. Илья рассказал все точно. Он знал, что родители при посторонних не станут устраивать "разборку". К тому же отец во взаимоотношениях мамы с Ильей занимал нейтральную позицию, не высказывая своего мнения, и только тогда, когда мама просила его сделать что-то определенное для ее сына, он выполнял ее просьбы, но сам инициативы не проявлял.

В то злополучное воскресенье мама весь день молчала, однако чувствовалось, что она в гостях. Ее сын не сдержал данного им слова.

Прошло немного времени, и брат исчез из нашей жизни. Случайно попавшая на мой глаза фотография из чудом уцелевшего семейного альбома с выцветшей надписью "Рига, 1936 год" сегодня говорит

меня о многом. На карточке - Эльза, Илья и я. Мы стоим на перроне вокзала у спального вагона с табличкой Рига - Варшава. Нас только трое, ни родителей, ни сестры рядом нет. Помнится, я спросил маму, почему брат больше не приходит к нам. Мама, глядя куда-то вдаль, ответила: "Твой отец дал Илье денег, чтобы он уехал в Палестину и начал там новую жизнь". (Двадцать лет спустя мама приехала в Тель-Авив на постоянное место жительства. Ее встретил Илья, он был к тому времени вполне самодостаточным человеком, женат, имел двух сыновей. Однако близких отношений мамы с сыном так и не сложилось.)

После отъезда брата в нашем доме снова наступил мир, но он был недолгим и кротким. Его нарушил истощенный крик из комнаты сестер. Прибежав, я с ужасом увидел распростертую на полу тело Тани с обнаженной кровоточащей грудью, а рядом окровавленный нож. К счастью рана оказалась поверхностью и примчавшийся по вызову наш домашний доктор, заверив маму, что дочь вне опасности. Меня, конечно же, сразу послушали изолировать. И опять по коридорам, по тогданим действиям мамы я стараюсь понять, что стояло за всем этим?

Причиной разыгравшейся драмы была любовь. Избранником сестры стал Михаил, мужчина примерно лет тридцати с небольшим, без образования, без определенного достатка, но очень красивый, галантный, имел от природы приятный баритон... "Салонный тигр не охоте за невестой с богатым приданым" - так выразилась Эльза об этом человеке, когда он впервые появился в нашем доме. Сестра была очень хороша собой - стройная, высокая, типичная шатенка с огромными зелеными глазами. Влюбить в себя Танию, Михаилу не стоило большого труда. Но мама и слышать не хотела о Михаиле как о возможном женихе и согласия на брак не давала. Закрадывалась крамольная мысль, что Тания, переступив доволен грань, разыграла спектакль. У нее не было выхода: позорное бесчестие или замужество. Рождение ребенка стало очевидной реальностью.

Этот акт отчаяния на маму сильно подействовал, и она смирилась с неизбежным. В нашем доме, только этажом выше, была снята двухкомнатная квартира, сыграли скромную свадьбу, а в качестве приданого мама подарила Тане небольшой магазин с полным набором и запасом готовой женской одежды, чтобы молодые супруги могли начать новую, самостоятельную жизнь.

С Эльзой и Ильей

На открытии магазина, за банкетным столом мама сказала всем несколько слов: "Живите, как можете, я сделала все!" Через некоторое время, это я уже хорошо помню, у Тани с Михаилом появился очаровательный малыш - было в кого. Его называли Бенямином, а я стала дядей. Мне было доверено держать их сына на руках во время церемонии обращения его в иудейскую веру.

Недолго было отпущенено Миша и Тане радоваться своему первенцу. В октябре месяце 1941 года немцы повели их и еще 35.000 евреев на смерть. Таня с Мишейшли в первых рядах (обо всем этом мне после войны рассказала женщина, чудом спасшаяся из расстрельного рва). Один из фашистов вырвал из рук Тани маленького Беню и на глазах родителей высыпал об стенку руки.

Моим родителям, наверное, было трудно с Таней и Ильей. Винить здесь некого, хотя... Только Бог знает, зачем каждый из них был прав или виноват!

Сегодня раздумывая о прошлом, я понимаю: мамина власть в доме не имела предела. Отец, скорее всего, обладал правом только совещательного голоса. Все наши последующие беды явились следствием всевластия мамы, натуры жесткой и несгибаемой. Отец понимал, что в мире нарезало столкновение двух сил: цивилизованной демократии с тираническим господством. Прибалтийским евреям грозила опасность, что с запада, что с востока. Но они этого не понимали, или не хотели понимать. Преобладало представление о немецкой культуре. Отец ни кому и ни во что не верил. Он хотел уехать со своей семьей в Палестину, в страну своих предков, но мама уговаривала его еще немножко подождать, в одиночку фирму было трудно продать. Так настало 1 сентября 1939 года, когда польское радио захлебываясь кричало: "Увага, увага. Немецкі самолеты бомбят Варшаву". Время было упущенное.

Вернемся к жизни нашего дома, в котором исподволь назревала очередная трагедия, жертвой которой стала моя сестра Дора.

Сестра была разносторонне одаренной девушкой. Она училась, после окончания русской гимназии, одновременно в консерватории и в английском колледже, знала пять языков, пройдя языковую практику в Париже, Лондоне и Берлине. Аристтически исполняла четчетку и чарльстон, сочиняла юморески, писала стихи и скетчи. Молодые парни по очереди в нее влюблялись. Мне в свою тридцатадцать лет было смешно наблюдать, как поклонники сестры ходили за нее "табунами". Сна же оставалась к ним равнодушной и просто веселилась. Кроме того, сестра была богатой невестой, это все понимали, в том числе и она сама.

Родители на некоторое "буйство" дочери поглядывали сквозь пальцы, ведь развлечения были для нее вторичными. Она просиживала часами за роялем, доведя меня до исступления своими гаммами. Заня-

тия музыкой отнимали, наряду с учебой в колледже, очень много времени и сил, естественно. И все же в жизни любой девушки рано или поздно появляется свой принц. Появился он и у сестры. Звали его Николай. Он выгодно отличался от всех других ее ухажеров, и, видимо, поэтому я так хорошо его запомнила. Инженер, с высшим образованием, интеллигентен, статен и умен. Мне он очень нравился еще и тем, что вел себя со мной на равных.

Папа, Дора, я

Родители снова уехали в Чехию на воды. Николай бывал у нас каждый день. Что творилось в душе моей сестры, я, конечно, представить себе не мог. Ей шел двадцать второй год, и она любила. Мы были практически с Дорой в доме едином. Надзирающего ока в лице Эльзы больше не было. Она, тайком от меня, покинула нас осенью 1938 года. Она ушла в ночь, не простившись со мной, ничего не сказав мне на прощание. Она последовала зову фюрера. Он обратился (а в сущности приказал) всем немцам Прибалтики, всем беженцам: "заключения, вернуться" в Германию. Эльза уехала в никулю. Родственников у нее нигде не было. Что с ней стало, - мы не знаем. Она нам не писала.

Как-то вечером я ворвалась без стука к сестре в комнату, будучи уверена в том, что она одна, на это было не так. При погашенном свете, крепко обнявшись, Николай и Дора лежали на тахте. К тому времени я была достаточно начитанным мальчиком. Почему-то мелькнула мысль, что когда родители вернутся, случится нехорошее. Так они и было!

В первый же день по возвращении родителей Дора объявила, что хочет выйти замуж за Николая. Родители, разумеется, его знали, без их одобрения нас никто не посещал. Но встречи в общепринятых пределах - это одно, а замужество...

Настали дни напряженной тишины. Мама резко и однозначно высказывалась против, отец поддержал ее. Позиции мамы были предельно ясны - Николай в ее глазах был беден, хотя и образован и очень мил. Но этого для замужества дочери своей мало. Сегодня маму того времени с теми фамильными устоями понять можно, но сестра ни понять, ни простили не захотела, просто не смогла. Николай уехал в Америку, а сестра осталась со своей боябой.

Забегая далеко, далеко вперед, сорок лет спустя, Дора, живя в Тель-Авиве, получила письмо от Николая, в котором он писал, как долго и упорно искал Дору, как сердцем чувствовал, что она не должна была погибнуть ни в гетто, ни в лагерях смерти и как через многих и разных лиц, наконец, узнал ее адрес. В этом же письме он просил разрешения приехать, чтобы ее увидеть и сказать, что он ее до сих пор любит. Их встреча состоялась, она была и радостной, и грустной одновременно. За это время Николай стал богатым, живет в Сан-Франциско на берегу моря в собственном большом доме. Он женат, имеет двух взрослых детей, которые живут своими семьями. Он привез все письма Доры, которые она писала ему в Америку, пока это было возможно. Он их берег, в знак своей любви к Доре. Николай поведал ей о том, что жена знает о его неугасимой любви. Она также знает, что он сейчас в Тель-Авиве. А далее последовало самое неожиданное: Николай попросил Дору соединить свои судьбы и попытаться стать новыми счастливыми, какими они были в своей далекой юности. Дора замилась горячими слезами, но... отказалась. На обломках чужой жизни начинать свою, даже с дочь пор любимым человеком - Бог не простит.

Через год Николай снова прилетел в Тель-Авив, но уже не один. С ним были его жена и обе дочери. Они провели с Дорой несколько по-человечески хороших дней.

Мати из этих событий не дожила. Она ушла из жизни в 1968 году. Восьмидесят втором году. Дора умерла шесть лет спустя после приезда Николая, в 1984 году. Мама и Дора лежат на одном кладбище, в холоне, в городе спутнике Тель-Авива. Мир и покой им!

Гарри Лак

(Продолжение. Начало в №е 118, 119)

***

Петрозаводск посетил Первый секретарь посольства Государства Израиль в РФ г-н Болеслав Ятвецки. Израильского дипломата принял Глава Республики Карелия Сергей Катанандов. На состоявшейся беседе были затронуты вопросы сотрудничества между Республикой Карелия и Израилем в сфере культуры и туризма. Стороны договорились о проведении в Петрозаводске фестиваля израильского кино, посвященного 60-летию Государства Израиль. Во время визита г-н Ятвецки встретился также с министром культуры Карелии Галиной Брун и первым заместителем министра РК по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями

***

***

Дмитрий Цвибель успешно окончил очередной курс программы "Мелтон", защитив проект "От Станции Зима к Бабьему Яру". Эта работа посвящена творчеству Евгения Евтушенко, вернее, еврейской теме в творчестве этого выдающегося русского поэта. Как говорится в преамбуле: "Данная работа ставит перед собой цель попытаться понять один из аспектов творчества самого, быть может, читаемого русского поэта второй половины XX века Евгения Евтушенко, а именно - его обращение к еврейской теме. Сама тема не нова. Но именно в XX веке отношение к этой теме стало камнем преткновения для многих, "лакмусовой бумагой" - тестом на порядочность, возможность определения соб-

Еленой Антошко. Состоялась встреча и с еврейской молодежью, на которой Болеслав Ятвецки проинформировал о программах Израильского культурного центра Санкт-Петербурга, ответил на возникшие вопросы. Высокий гость выразил удовлетворение состоявшимся визитом

Во время своего первого официального визита в Петрозаводск обер-бургомистр города-побратима Тюбингена Борис Палмер посетил нашу общину. Такие посещения стали уже традиционными с того времени, когда обер-бургомистр Ойген Шмид был впервые принят в общине 1998 году. Прием прошел в теплой непринужденной обстановке. Борису Палмеру был продемонстрирован Свиток Торы, подаренный нашей общине жителями Тюбингена по инициативе пасторов Пауля Целлера и Михаэля Фолькмана в 1996 году. Дмитрий Гендельев, директор фонда "Хэсэд Агамим", поблагодарил обер-бургомистра за внимание и выразил уверенность, что отношения между нашими городами будут развиваться на благо их жителей, подавая пример сотрудничества между людьми разных национальностей и религиозных убеждений.

ственной гражданской позиции. Действительно, что заставляет Евтушенко, поэта, стихи которого давно уже стали классикой, переведены на более чем 70 языков мира, вновь и вновь на протяжении всего своего творчества так или иначе обращаться к еврейской теме? Где искать истоки этого явления?" Именно вопрос об истоках этого явления и стал отправной точкой исследования. Кроме этого, в работе, которую автор определил как "эссе", много места уделено творческому сотрудничеству Дмитрия Шостаковича с Евгением Евтушенко, в союзе с которым были созданы Тринадцатая симфония и симфоническая поэма "Казнь Степана Разина". Эта работа приобретает особую актуальность именно сейчас, когда Всемирный конгресс русскоязычного еврейства выдвинул Евтушенко на соискание Нобелевской премии по литературе за 2008 год.

Правление, Попечительский совет общины выражают благодарность Людмиле Гринберг, Ксенье Титковой, Марте Цвибель, Лизе Яблонской за активное участие в приеме делегации молодежи Тюбингена

Еврейская община выражает глубокую признательность и благодарность Валентине Двинской за организацию и активное участие в приеме делегации молодежи Тюбингена

Чайна кухня

Кутл из лапши с яблоками и корицей

350-500 г яичной лапши; 130 г плюс 1 ст. ложка несоленого сливочного масла; 2 ароматных яблока; 250 г творога; 3-4 слегка взбитых яйца; 2 ч. ложки молотой корицы; 250 г сахара; 2-3 присорини изюма; 1/2 ч. ложки питьевой соды; соль. (Четыре-шесть порций)

Нагрейте духовку до 180° С. Отварите лапшу в подсоленной кипящей воде, как указано на упаковке. Откиньте на дуршлаг. Растирайте сливочное масло и перемешайте его с лапшой. Натрите яблоки на крупной терке и добавьте их к лапше, затем добавьте творог, яйца, корицу, сахар, изюм, соду и крошечную щепотку соли. Переложите смесь с лапшой в глубокую прямоугольную огнеупорную форму размером 38 на 20 см и выпекайте 1-1 1/4 часа. Запеканка должна стать румянной и хрустящей. На стол подавайте немедленно.

Этот кутл также можно подать на стол холодным. Остатки его подавайте на следующий день как легкую закуску.

Овощной кутл

2 цуккини, натертые на крупной терке; 2 моркови, натертые на крупной терке; 2 картофелины, натертые на крупной терке; 1 натертая головка репчатого лука; 3 слегка взбитых яйца; щепотка сахара; 1 ст. ложка мелко нарубленной свежей петрушки; 2-3 щепотки сухого базилика; 2-3 ст. ложки муки из маны; 7 ст. ложек оливкового или растительного масла; соль и молотый черный перец. (Четыре порции)

Нагрейте духовку до 180° С. Положите в миску цуккини, морковь, картофель, лук, яйца, чеснок, сахар, петрушку, базилик, соль и перец. Перемешайте. Добавьте муку из маны. Вымесите густое тесто. Налейте в огнеупорную форму половину порции масла, выложите овощную смесь и залейте ее оставшимися маслом. Пеките минут 40-60 или до тех пор, пока овощи не станут мягкими, а сверху не покроются золотисто-коричневой корочкой. На стол подавайте кутл горячим.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

**КОГДА ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД
ОСВОБОДИТ ЗЕМЛЮ ИЗРАИЛЯ, ЗЕМЛЯ
ИЗРАИЛЯ ОСВОБОДИТ ЕВРЕЙСКИЙ
НАРОД.**

Менахем Усышкин

ХЭСЭД АГАМИМ ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

ГОЛЬДШТЕЙН Татьяну Петровну

СЛАПАК Зинаиду Дмитриевну

ЖУРАВЛЕВУ Валентину Николаевну

ЛОЗОВСКУЮ Азу Григорьевну

ЛЮБЧИКА Моисея Соломоновича

ХЕНКИНА Савелия Хонановича

РАСНЕРА Михаила Иосифовича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Издатель: Петрозаводская еврейская религиозная община 185035 г. Петрозаводск, а/я 360, тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редактор:
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой "Принт", 185001, Петрозаводск, пр. Первомайский, 1, тел. 78-20-18, факс 78-12-26

Тираж 300 экз.